

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
(ВЦИОМ)

Серия «CrossRoads»

А. Папакостас

**СТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗОВАННОЙ
ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ
недоверие, доверие и коррупция**

*Перевод с английского
Д. М. Жихаревича
под ред. д. филос. н., проф. А. В. Резаева*

Москва
2016

УДК 316.62/.66
ББК 60.52
П17

Редакционный совет серии

В. И. Ильин Д. Г. Подвойский
В. П. Коломиец Э. Д. Понарин
В. А. Куренной С. Р. Хайкин
 В. В. Федоров

Папакостас А.

П17 Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция / А. Папакостас; пер. с англ. Д. Жихаревича. — М.: ВЦИОМ, 2016. — 224 с. (Серия «CrossRoads»).

ISBN 978-5-9905-9709-9

Представляем отечественному читателю первый перевод на русский язык работы известного ученого Апостолиса Папакостаса. Автор предлагает оригинальный взгляд на проблемы недоверия, доверия и коррупции. Опираясь на достижения сравнительной исторической социологии, Папакостас анализирует структурные и организационные предпосылки межличностного и публичного доверия, коррупции и клиентелизма, организационные механизмы «структурированного скептицизма» на примере сравнительного анализа общественного развития в Швеции и Греции — двух европейских странах, где он долгое время жил и работал.

Книга заинтересует не только специалистов в области экономической и политической социологии, уставших от тавтологической аргументации теоретиков социального капитала и «культур доверия», но и широкий круг читателей, — студентов и преподавателей социальных наук, представителей общественных и политических организаций, занятых противодействием коррупции.

УДК 316.62/.66
ББК 60.52

© Apostolis Papakostas, 2012
© Published by Palgrave Macmillan, 2012
© Жихаревич Д., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление,
ВЦИОМ, 2016

ISBN 978-5-9905-9709-9

Содержание

От издателя.....	5
В поисках доверия: сравнительно-историческая социология публичной сферы Апостолиса Папакостаса	7
Пролог	19
Теоретические и методологические подходы	19
Благодарность.....	24
Глава первая. Процесс цивилизации доверия	27
Почему мы доверяем незнакомым людям?.....	27
Социальная наука доверия	28
Амбивалентность культуры.....	33
Государство и процесс цивилизации доверия.....	40
Глава вторая. Граничные технологии и сегментация доверия	51
Акты недоверия в повседневной жизни.....	51
Ключи и иерархии ключей	54
Пространственные границы.....	60
На границах организаций	63
Слияние ключей и удостоверений личности	66
Сегментация доверия и проблема прозрачности	70
Глава третья. Структурированный скептицизм и производство доверия	72
Патологизация недоверия.....	72
<i>Post hoc</i> скептицизм	76
Прозрачность на защитах докторских диссертаций	76
Прозрачность через мысленные эксперименты	81
Радикальная прозрачность	85
Оперные театры и дискреционная власть	87
Парламенты и опубликование власти.....	90
Прозрачность, основанная на правилах.....	95
Упреждающий скептицизм.....	103

Глава четвертая. Каким государствам доверяют люди и как возникают такие государства?	107
Введение	107
Почему в Скандинавии нет клиентелизма?	108
Макросоциологическое объяснение	112
Несоизмеримые последовательности политического и социального развития	118
Экспансия государства и расширение избирательного права: первое и четвертое граничные отношения	118
Положение высших и низших классов в публичной и социальной жизни: второе и третье граничные отношения	122
Теоретические следствия	127
Глава пятая. Организационные основания коррупции	132
Парадоксы коррупции	132
Коррупция как социальное отношение	134
Коррупция на периферии организаций	136
Коррупция на стыках организаций	137
Почему в Швеции и почему сейчас? Переплетения, сети и неформальность	140
Государство и бизнес: дифференциация и организационное переплетение	144
Межличностные сети и неформальность	146
Обособление и повторное укоренение публичной сферы	148
Глава шестая. Меньше людей, больше организаций	152
Членство и доверие	152
Граждане отворачиваются от организаций	153
Институционализация движений	157
Организации отворачиваются от своих членов	162
Членские и кадровые организации	164
Больше организаций, меньше людей	165
Больше организаций, меньше вопросов	175
Неструктурированное коллективное действие	180
Обратное отношение между близостью и дистанцией	182
Эпилог	186
Глава седьмая. Социальный или публичный капитал?	188
Литература	198
О серии CROSSROADS	219

От издателя

О доверии и недоверии в последние полвека написаны горы книг, но эта тема продолжает привлекать внимание как читателей, так и исследователей. Те и другие стремятся понять, как связаны доверие и успех организаций, доверие и экономический рост, доверие и демократия. Возможно ли одно без другого, и если нет, то как создать необходимое доверие? Для России и других посткоммунистических стран исследование доверия и его роли в обществе представляет особый интерес как одно из объяснений затянувшегося (либо несостоявшегося) перехода к западно-европейской модели организации рынка, государства и общества с соответствующими бонусами в виде высокого уровня материального благосостояния, прав и свобод граждан, мирного и упорядоченного существования.

Автор предлагаемой вашему вниманию книги дает личный пример пути, напоминающего, с известными оговорками, тот, который сегодня проходят сотни тысяч выходцев из ближне- и средневосточных стран, бегущих от войны, упадка и нищеты в благословенную Европу. Они с удивлением, восхищением, завистью, а иногда и с ненавистью взирают на достижения, причин и способов создания которых не понимают, но плодами которых страстно хотят воспользоваться. Поведение молодых мужчин-беженцев и рост преступности спровоцировали волну антииммигрантских настроений, попытки Европы закрыться, возвести стены на своих границах — и острые дискуссии внутри Евросоюза о том, не означает ли такая смена курса измену европейским ценностям гуманизма и толерантности, отказ Европы от собственной идентичности.

Предопределяет ли культура уровень доверия в обществе, есть ли механизмы его повышения? Папакостас делает упор на особую роль государства. Именно его силами создается доверие, которое, в свою очередь, обеспечивает успех организаций и экономический рост, а значит, успех или неудача стран и наций зависят не столько от культуры, «колеи», в которую они попали, сколько от сознательных усилий политиков и граждан, созидающих (намеренно или нет — отдельный вопрос!) доверие или недоверие.

«Чтобы предупредить возвращение темных или несколько обновленных анахронизмов и окончательно сделать их историей,

необходимы колоссальные социальные изменения. Если вы отказываетесь от них, то, надеюсь, ими займутся другие — причем так, что вам это может не понравиться. А если вы индивидуалист, вам следует помнить: не хотите участвовать в написании своей истории, за вас это сделают другие желающие и, возможно, вас не слишком обрадует результат. Движущие силы центральных политических и социальных организаций определяют доступные нам возможности, но они не могут диктовать нам, что делать. А потому траектория будущих событий контингентна и зависит от наших действий здесь и сейчас», — пишет автор.

Такой вывод дает повод задуматься, как именно мы можем создать столь необходимое общественное доверие, усилить созидательную роль общественных организаций, вместо того, чтобы оправдывать историческими, психологическими, культурными и прочими аргументами невозможность перейти к цивилизованной публичной сфере.

Валерий Федоров
кандидат политических наук,
генеральный директор ВЦИОМ

В поисках доверия: сравнительно-историческая социология публичной сферы Апостолиса Папакостаса

Предлагаемая вниманию русскоязычного читателя книга Апостолиса Папакостаса — известного шведского социолога греческого происхождения — посвящена анализу процесса цивилизации публичной сферы и метаморфозам недоверия, доверия и коррупции. Однако главное достоинство работы в том, что она отнюдь не исчерпывается осмыслением данной проблематики. Монография несомненно заинтересует исследователей, работающих в области политической и экономической социологии, исследователей развития организаций, социальных движений, гражданского общества, а также сравнительно-исторических социологов и специалистов по социологии повседневности. В работе Папакостаса присутствуют сюжеты, относящиеся к каждому из этих направлений современной социологии. Вместе с тем автор не является специалистом по России, а сама книга написана, главным образом, на шведском материале, хотя некоторые аргументы и помещаются в сравнительную перспективу, где противопоставляются Швеция и Греция и, более широко, Скандинавская и Средиземноморская Европа. Есть основания задаться вопросом: чем эта книга может быть интересна и полезна российскому читателю — как квалифицированному, так и тому, кто не является специалистом в названных областях социальной науки? Обратим внимание на три принципиальных момента.

Во-первых, книга Папакостаса затрагивает самые актуальные и даже злободневные вопросы — едва ли российскому читателю следует напоминать о том, какое место проблемы коррупции и взаимного (не)доверия занимают в повестке дня современной России. Тем не менее монография Папакостаса — не просто очередная работа на известную, пусть даже очень актуальную, тему. Отбрасывая морализаторство и цинизм в отношении доверия, недоверия и коррупции, автор исследует их структурные и организационные основания. Попытка прояснить дискуссию о доверии и институтах, перегруженную тавтологической аргументацией и испытывающую сильное влияние некорректных прочтений ряда классических работ, безусловно, ценна сама по себе. Остается надеяться, что публикация ВЦИОМом книги Папакостаса на русском

языке сделает публичное обсуждение этих проблем в нашей стране если не более цивилизованным, то более рациональным и аргументированным.

Во-вторых, выступление Папакостаса против теорий, объясняющих недостаток доверия в повседневной жизни и/или к социальным институтам при помощи ссылок на культуру или особый исторический путь того или иного региона, открывают возможность использовать предложенные в книге инструменты для анализа современной России в сравнительной перспективе. Приоритет структурного объяснения — одна из основных теоретических ставок книги: практики коррупции, в том числе политической коррупции — клиентелизма — существуют практически во всех культурах, однако за их разнообразными проявлениями стоят одни и те же механизмы, которые к культуре не относятся. Таким образом, появляется возможность выйти не просто за пределы нормативных оценок коррупции и недоверия, но и разорвать порочный круг рассуждений о «культурной отсталости» или «особом пути развития» России (применимых, впрочем, и к любой другой стране), на деле являющихся зеркальными отражениями друг друга.

В-третьих, Папакостас выдвигает тезис о том, что всеобщее восхищение неформальными институтами, гибкими сетями и социальным капиталом в лучшем случае является новой формулировкой старой критики бюрократии (прежде всего, государственной), а в худшем — апологетикой повсеместного процесса эрозии и постепенной приватизации публичной сферы. В конце концов, пресловутый социальный капитал — это «частный» капитал индивида. А бюрократия вполне работоспособна — нужно просто понимать, для чего ее использовать, и создать условия, при которых она будет приближаться к своему идеальному типу.

Апостолис Папкостас родился и вырос в Греции, а учился и строил научную карьеру в Швеции. В книге он использует свой опыт зиммелевского «чужака» как источник наблюдений за повседневной жизнью двух стран, а их историю — как материал для сравнительного анализа. Основные вопросы, которые интересуют Папкостаса, просты: почему люди доверяют друг другу и считают публичные пространства безопасными?

Из того, как эти вопросы поставлены, видно, что автор рассматривает доверие одновременно как в частной, так и в публичной сфере — единство этих аспектов нередко упускается в отчасти искусственном разграничении межличностного и ге-

нерализованного доверия. Доверие и недоверие, по существу, относятся к явлениям той же природы, что и, например, скептицизм или критическая способность, поэтому неудивительно, что в поле зрения Папакостаса, помимо собственно доверия, недоверия и коррупции, попадают такие разные феномены, как клиентелизм, бюрократические организации, защиты докторских диссертаций и экспериментальный метод (по известному определению Р. Мертона, наука есть не что иное, как «организованный скептицизм»), а также пространственная организация парламентов и системы безопасности — от замочных скважин и ключей до идентификационных карт и криптографии. Более важным, однако, представляется собственно теоретический вклад книги в развитие современного социологического знания. Автору удается проломиться через бесконечные определения доверия и социального капитала и набросать теорию социальных условий его производства. Теоретический синтез, осуществленный им, пожалуй, заслуживает отдельного внимания: хотя «чистой» теории в книге практически нет, именно «аполлоническая» порядочность и консистентность ее теоретического фундамента, который можно было бы охарактеризовать как «структурный монизм», — сочетание шведской традиции социологии организаций, теории социальных механизмов, реляционного/организационного материализма Ч. Тилли, М. Манна, Х. Уайта и А. Стинчкомба, и структурного прочтения работ Н. Элиаса, — и делает возможным стройное изложение основных аргументов, проиллюстрированных тонкими наблюдениями за повседневными взаимодействиями, историко-социологическими экскурсами и внимательным анализом литературы.

Основные теоретические темы книги — социальные границы и организации, благодаря которым возникают доверие, недоверие и коррупция. Отправным пунктом анализа является метафора «социального ландшафта», разработанная Папакостасом совместно с его шведским коллегой Й. Арне: общество понимается как множество организаций, а фокусом исследования являются, прежде всего, процессы, происходящие внутри, вне и между организационными границами. Папакостас определяет организации не в формально-юридическом смысле, а как особые конфигурации структуры межчеловеческих отношений:

все виды ясно ограниченных кластеров социальных отношений, в которых [люди], занимающие по крайней мере одну позицию, имеют право использовать коллективные ресурсы в рамках деятельности, выходящей за пределы границы» (Arne, 1994; Tilly, 1998). В этом смысле [...] понятие организации включает в себя государства, компании, добровольные

организации, родственные группы, домохозяйства, религиозные группы, тайные общества и локальные сообщества.

Организации — это некоторые ограниченные области социального взаимодействия, границами которых могут выступать как нормы права, так и пространственные границы вроде стен или дверей; аналогично, поддержание этих границ возможно как с помощью силы оружия, так и таких «граничных технологий» (*boundary technologies*), как ключи и дверные замки, или различные процедуры отбора — собеседование при приеме на работу, проверка документов при пересечении межгосударственной границы, экзамены при поступлении в университет и т. д. Подобный подход восходит к веберовскому понятию «закрытого социального отношения» (*social closure*) и зиммелевской «формальной социологии». Позиция «организационного реализма» позволяет Папакостасу не углубляться в дискуссии о статусе «вещей» и организационных отношений или физического и социального пространств в социологическом объяснении — организации включают в себя в том числе и материальные объекты, однако структура создающих их отношений и разграничений «реальна» в смысле независимости от индивидуального или коллективного сознания входящих в них индивидов. Такой подход дает возможность задействовать отдельные теоретические ходы Э. И. Гофмана (например, в анализе повседневных взаимодействий при защите диссертаций в 3 главе) и Б. Латура (при рассмотрении эволюции систем безопасности во 2 главе), исследований науки и технологии (где было разработано понятие *boundary object*, близкое к «граничным технологиям» Папакостаса), совместив их с идеями, почерпнутыми из исторической макросоциологии (эволюция государства, бюрократии и социальных движений в гл. 4—6).

Основной аргумент книги заключается в том, что социальные границы производят и воспроизводят доверие и связанные с ним феномены. В качестве примера Папакостас рассматривает элементарную ситуацию проявления отношений доверия: женщина заказывает продукты у компании, занимающейся почтовой торговлей, и получает заказ вместе со счетом, который оплатит позже. Его интересуют социальные условия возможности анонимных контрактных обязательств такого рода. Что в данном случае выступает гарантией оплаты счета? Папакостас рассматривает доверие как реляционный феномен, в том смысле, что А (компания) доверяет В (покупатель) в отношении X (оплата). Идея учёного заключается в том, что функционирование таких отношений зависит от структурного контекста, в котором они осуществляются, то есть:

А доверяет или не доверяет В в отношении X, но в социальном контексте, который определяется границей Y. [...] компания (А)

доверяет тому, что покупатель (В) оплатит свой счет (Х) в рамках ограниченного социального пространства, определенного границей хорошо функционирующего шведского государства (У), и эта граница является социальной предпосылкой доверия. Если бы тот же самый покупатель находился в районе Рио-де-Жанейро (Бразилия), где проживают представители высших классов, а не в рабочем квартале пригорода Стокгольма (Швеция), шведская компания из города Борас (Borås) никогда не отправила бы ей продукты по почте, доверяя тому, что она оплатит счет позже. То есть покупатель заслуживает доверия, когда он/она живет в Стокгольме, но не в Рио-де-Жанейро.

В таком ключе Папакостас рассматривает различные модальности доверия в зависимости от соответствующих границ организаций, наиболее важной из которых является государство. По существу, книга развивает структурную теорию доверия как теорию среднего уровня — характерная черта авторов, на которых Папакостас ссылается (за исключением, пожалуй, Элиаса). Главы 1, 4 и 5 будут интересны историческим макросоциологам и исследователям государства, бюрократии и социальных движений, главы 2 и 3 — специалистам по социологии повседневности (в версиях Гофмана, Штомпки, Латура). Не углубляясь в детали аргументации автора по существу каждой конкретной темы, имеет смысл отметить наиболее оригинальные сюжеты его книги — анализ социальных технологий «организованного скептицизма» и полемику против популярных концепций доверия и культуры.

Используя понятие процесса цивилизации, — а именно так, как нам представляется, в этой работе следует переводить слово *civilizing*, — роль которого не исчерпывается отсылкой к Элиасу, Папакостас опирается на некоторые идеи немецкого теоретика, чтобы занять определенную позицию в серии теоретико-методологических споров. К понятию цивилизации стягивается сразу несколько концептуальных пар, унаследованных социологией от новоевропейской политической философии, которые Папакостас задействует в своем анализе. Во-первых, это оппозиция культуры и цивилизации, двух вариантов «самосознания Запада» (по выражению Элиаса), с точки зрения истории идей, восходящих, соответственно, к французскому Просвещению и немецкому Романтизму, а в перспективе их «социогенеза» — к различиям в классовой композиции Франции и Германии конца XVIII в. Цивилизация предполагает единство человеческой природы, и хотя разные народы в разное время могут быть более или менее цивилизованными, уровни их развития можно сравнивать; культура, наоборот, уникальна и сравнению не поддается; цивилизация описывает все аспекты человеческой жизни; культура, скорее,

относится к сфере духа; цивилизация предполагает постепенное усложнение и упорядоченность, которую человек способен в себе развить или воспитать, культура же отсылает к надындивидуальной общности, аутентичности и неявному знанию. Не обсуждая эти различия, детально проанализированные Элиасом, Папакостас переводит их в план собственно социологический, где они предстают в форме оппозиции структуры и культуры как конкурирующих объяснительных принципов.

Папакостас показывает, что популярные сегодня теории доверия, сетей и социального капитала обладают своего рода «семейным сходством» с понятиями вроде «социального климата» или «слабых моральных связей», бывшими в ходу в социологии 1950—60-х гг., а также с понятием «культуры» — означает ли оно неявное знание (*tacit knowledge*), общность интерпретативных фреймов, набор неписанных норм и правил или все это вместе взятое. Необходимость дополнительного аналитического усилия для разграничения переплетенных друг с другом аспектов «культуры» демонстрирует смутность данной категории, скрытую за кажущейся всеохватностью ее применения; причем, то же самое верно и в отношении доверия. Анализируя частотность употребления последнего термина и родственных ему понятий, учёный приходит к выводу, что сегодня доверие, социальный капитал и сети занимают как раз ту нишу, где двумя поколениями раньше находилась культура. Культура как *explanandum* играла важную роль в дискурсе «развития и недоразвитости» 1950—60-х гг.: неспособность одних стран достичь устойчивого (а подчас и вообще никакого) экономического роста объяснялась дефектами культуры этих географических областей или населяющих их социальных групп — отсутствие доверия блокирует возможность создания формальных организаций и способность к коллективным действиям, которые, в свою очередь, являются предпосылками экономического роста. 1950-е годы — время расцвета теории модернизации, еще не обремененной достижениями исторической социологии (впрочем, этого бремени она и не выдержит). В отсутствие продуктивного обмена между дисциплинами истории и социологии, исследователи обращаются к «отсталым» обществам, отклоняющимся от модели стадий экономического развития, и интерпретируют эту отсталость в терминах культуры. Парадигматическим примером подобной аргументации Папакостас считает исследование Э. Бэнфилда, посвященное повседневной жизни средиземноморской деревни Монтеграно (вымышленное название), результатом которого стала гипотеза о существовании культуры т. н. «аморального фамилизма»: в своем поведении люди ориентируются, прежде всего, на (расширенную) семью, узкий круг родственников и близких знакомых,

члены которого доверяют друг другу, в то время как «все остальные» доверия не заслуживают. Идея Бэнфилда, который в данном случае представляет первую волну так называемого культурализма, состоит в том, что такая культура существенно снижает способность к организованным действиям (поскольку они требуют доверия, распространяющегося и за пределы круга семьи), что, в свою очередь, блокирует экономическое развитие.

Как это часто бывает в социальных науках, когда в исследовательскую работу вовлекаются политические ставки, присутствие которых в случае послевоенного дискурса «развития» и «недоразвитости» очевидно, экскурс в историю науки, а вернее в область, которую Пьер Бурдьё в свое время обозначил как «социальные условия международной циркуляции идей», проясняет некоторые теоретико-методологические решения. Так, Бэнфилд в своем исследовании опирается (и ссылается¹) на работы Милтона Фридмена, постулировавшего в хорошо известном методологическом манифесте продуктивность гипотез, не являющихся истинными *per se*. Предположение Бэнфилда о существовании культуры «аморального фамилизма», которая объясняла бы наблюдаемое им «ориентированное на семью» поведение, имело статус именно такой гипотезы, не подтвержденной никакими эмпирическими свидетельствами, — Папакостас добавляет, что для того, чтобы «аморальный фамилизм» что-либо объяснял, необходимо было бы продемонстрировать, что люди действительно ведут себя в соответствии с его предписаниями. Проблема, однако, не столько в самом гипотетическом статусе существования этой культуры, сколько в том, что последователи Бэнфилда — Фрэнсис Фукуяма, Роберт Патнэм и др. — восприняли наличие в Южной Европе «аморального фамилизма» как доказанный факт, и в значительной степени на этом построили свои аргументы, на этот раз с использованием понятия доверия (что, согласно Папакостасу, является не чем иным, как новым вариантом культурализма — «неокультурализм»).

Папакостас подробно комментирует, в основном с позиций исторической социологии, различные методологические недостатки этих работ — это и *survivor error*, т. е. «объяснение» успеха одних стран, который сам по себе является результатом извилистого и сложного исторического процесса, при помощи ретроспективной идеализации определенных черт их культуры; игнорирова-

¹ Стоит отметить, следуя стратегии автора, посвятившего несколько страниц разбору такого «академического артефакта», как предметный указатель, что Бэнфилду выражает признательность Ирвинг Гофман в начале «Представления себя другим в повседневной жизни» — книги, на которую отчасти опирается аргументация Папакостаса.

ние «горизонтальных цепочек взаимозависимости» (*horizontal interdependence chains*) в попытке доказать наличие простирающихся через века «эффектов колеи» (*path-dependency*), как в случае Патнэма, который приписывает упадок гражданских традиций Южной Италии деспотическому правлению императора Священной Римской империи Фридриха II, при этом полностью игнорируя взаимодействие этого региона с Северной Италией, где реализовался противоположный сценарий; стадийное видение истории и т. п. Более важным, однако, является однозначно деструктивная роль государства в рамках первой волны культурализма, где ему отводится роль деспотической инстанции, разрушающей доверие, или посредника, вмешивающегося в частные конфликты интересов, и полное отсутствие какой-либо содержательной тематизации государства в работах теоретиков доверия и социального капитала — тот случай, когда предметные указатели тематических сборников содержат больше информации о дискурсивных умолчаниях поля, чем могут рассказать сами авторы. Как и подобает историческому социологу, которого отличает не столько методологическая изощренность в сравнительном анализе, сколько внимание к историческим достижениям, Папакостас не допускает возможности абстрагирования от центрального долговременного процесса новоевропейской истории — образования современного государства. Современное государство (как территориальная монополия на легитимное использование средств насилия и налогообложения), так же, как формальные организации и капитализм, следует рассматривать в качестве исторического достижения, «факта», или — на языке историко-сравнительной социологии — «исторической причины» (*historical causes*). Возникнув в результате определенного исторического процесса, они приобретают качество самостоятельно действующих причин и существуют независимо от процессов, которые привели к их образованию. Подобным образом Маркс на страницах *Grundrisse* рассматривал абстрактного буржуазного индивида, персонажа трактатов о «гражданском обществе» XVIII в., с развитием капитализма получившего действительное историческое существование в качестве своего рода «реальной абстракции». Государство, согласно Папакостасу, играет важную роль в создании доверия. Необходимые государству централизация средств насилия и налогообложения создают предпосылки межиндивидуального доверия, поскольку их результатом является «замирение» социальных конфликтов и ограничение силовых способов их разрешения (по Элиасу, на уровне индивидов этот процесс проявляется как развитие самоконтроля и регуляции аффектов), что обеспечивает безопасность публичной сферы. Способность довести этот процесс до конца зависит, согласно Папакостасу, от того,

что М. Манн называет «инфраструктурной властью» государства, его способности вмешиваться в социальную жизнь и выступать арбитром межиндивидуальных конфликтов. Развить «инфраструктурную власть», как правило, удавалось тем государствам, которые сравнительно рано внедрились прямое налогообложение. Последнее потребовало создания надежных систем сбора, обработки и хранения информации о населении — так люди приобретают постоянные имена, фамилии и адреса, и появляется элиасовское «общество индивидов». Именно наличие надежных данных о каждом конкретном индивиде является, согласно Папакостасу, условием возможности анонимного контракта — компания, продающая свои товары по почте, доверяет не столько конкретному индивиду-покупателю, сколько абстрактному индивиду, занесенному в государственный реестр, то есть в конечном счете — корректности и надежности данных, собранных государством. Государство, таким образом, опосредует процесс генерализации доверия. Вопрос о простом наличии либо отсутствии культуры доверия превращается в вопрос об исторической траектории развития государства и его инфраструктурной власти до момента приобретения им статуса «исторической причины», т. е. способности запускать автономные причинно-следственные цепочки. Подобным образом, роль государства в качестве медиатора конфликтов интересов не обязательно негативна. Например, согласно одной из формулировок знаменитой теоремы Коуза, в ситуации, когда права собственности четко определены, а трансакционные издержки равны нулю, структура производства будет эффективной и неизменной вне зависимости от распределения прав собственности — т. е. фактически индивиды так или иначе найдут способ разрешения конфликта интересов. Однако спецификация прав собственности зависит как раз от государственных аппаратов по сбору и хранению данных, а мирное разрешение конфликтов — от успешно завершённой монополизации средств насилия все тем же государством. Наконец, исходя из той же аргументации, Папакостасу удается сформулировать одну из самых оригинальных теорий *welfare state* — благодаря систематизированным данным о доходах граждан в разные периоды времени, государство «экстраполирует» доверие к индивиду с трудоспособного периода на весь его жизненный путь.

В качестве другого «социального прорыва», сравнимого по значимости с образованием государства, Папакостас рассматривает развитие письменного языка, который также является необходимым условием для создания формальных организаций. Отсталость Монтеграно, зафиксированная Бэнфилдом, объясняется, таким образом, не столько спецификой южно-европейской культуры или неблагоприятным опытом государственного администрирования,